

Абузар БАГИРОВ,
писатель, доктор филологии, доцент
Университета МГИМО МИД РФ

ПОЭТ ЗЕМНОЙ ЛЮБВИ

Настоящая любовь никогда не стареет, не умирает. Искренняя любовь – явление сакрально-духовное, а пылкая страсть – форма внешнего проявления этих сокровенных чувств. Не сама любовь, а именно страсть может со временем угасать, стареть, исчезать. Избранные носители возвышенной и кристально чистой любви по истечении отпущенного Всевышним срока покидают наш бренный мир лишь телесно, души же их со всем накопленным жизненным кладом остаются в бескрайнем космическом пространстве. Известно, что в космическом эфире ни материальные, ни духовные субстанции никуда бесследно не исчезают. Если ход поступательного развития Вселенной определяет извечная борьба между Добром и Злом, то **великая любовь, являясь главной скрепой мироздания, способствует бесконечному приумножению Добра.** Ведь основная формула любви – сделать мир добрее. Исполнок веков всеми признано, что весь строй отношений между людьми напрямую свя-

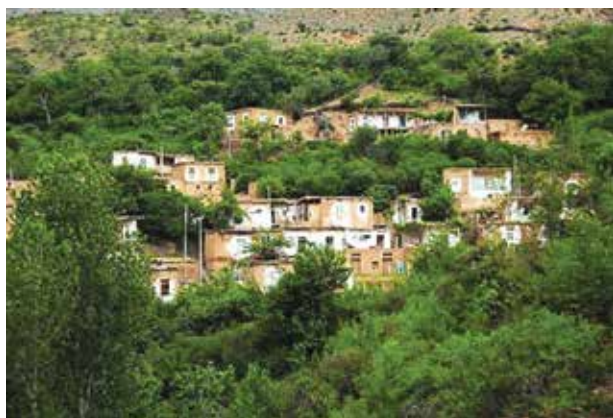
зан с Любовью. Поэтому с появлением в мире каждого нового влюблённого чаша добра становится весомее. Слова известного гератского поэта Абу Исмаила Абдуллаха ибн Мухаммеда аль-Ансари аль-Харави (1006–1089), ставшие крылатыми на протяжении многих веков, – яркая характеристика важнейшего места любви в жизни человека: *«Если ты не любил и не знал страсти, то ты один из камней пустыни».*

В творческом наследии выдающегося представителя азербайджанской поэзии XIX столетия **Сеида Абульгасыма Набати** концепция любви выражена чётко, конкретно, приземлённо и сводится к тому, что **все люди – влюблённые создания!** Пропащий тот, кто не любил и не был любим...

Сеид Абульгасым Мохтарам оглы родился в 1812 году в селе Ушдибин Гараджадагского уезда Южного Азербайджана в семье видного представителя духовенства. Получил хорошее духовное образование, в совершенстве владел арабским и персидским языками. Уже в молодости освоил основы риторики, теории стихосложения, глубоко изучил восточную классическую литературу и азербайджанский фольклор, начал слагать стихи на родном и персидском языках. Вначале писал под псевдонимами *«Ханчобаны»*, *«Меджнун»* и *«Меджнуншах»*, а позже перешёл на поэтический псевдоним *«Набати»*, что в переводе с фарси означает **«получающий удовольствие от сладости»** – здесь под сладостью подразумевается красота.

Набати был прекрасным оратором, считался искусным чтецом не только своих стихов, но и всей классической восточной поэзии. **Его лирические и религиозно-философские произве-**

Ушдибин – родное село поэта

дения представляют собой синтез письменной классической и устной ашугской поэзии.

Мифологизированные биографические сказания «Набати» и «Ханчобан», созданные ещё при жизни поэта, содержат немало достоверных сведений о жизни и творчестве Сеида Абульгасыма Набати. Эти сказания были опубликованы в 1958 году в Баку издательством Азербайджанского государственного университета.

В стихах поэта сочетаются многообразные литературные, религиозные, географические реалии, традиции Востока и Запада, Ирана и Турана, арабского, персидского и тюркского миров. Именно Набати в XIX веке взял на себя миссию наследника религиозно-этических ценностей, которые в средние века на Востоке проповедовали такие

Окрестности Дизмара, где поэт вырос и сформировался

гении, как Ахмед Ясеви (1103–1166), Шамс Тебризи (1185–1248), Джалаледдин Руми (1207–1273), Юнус Эмре (1240–1321), Имадеддин Насими (1369–1417), Исмаил Хатаи (1487–1524).

Единственный дошедший до нас сборник стихов – «Диван» Набати состоит из 7500 строк на тюркском и персидском языках. Стихи сборника в различных жанрах: газель, касыда, мухаммас, сагинаме, тахмис, мустазад, рубаи, чарпаре, гошма, герайлы, теджнис. Основные размеры стихов у Набати – это силлабика и аруз. **Темы и мотивы его произведений – любовь; герои – влюблённый и возлюбленная, а заветное чаяние лирического героя – достижение божественных высот в любви, познание абсолютной красоты.** Вдохновлённый божественной любовью, поэт не только ставит себя в один ряд с Меджнуном и Фархадом – зна-

менитыми влюблёнными классической восточной литературы, но **поднимается ещё выше, заявляя о предпочтении естественной, земной красоты.** В его представлении конкретная, земная красавица – главная веха, вершина абсолютной красоты. Естественно, что первым открытием неизменно оказывается всегда живая, реальная избранница сердца. Поскольку Набати не удовлетворяет ни одно из современных ему религиозных верований, **философия его поэзии выражает чаще всего не гармонию, а духовный упадок, проникнута духом отрицания и нарастающим пессимизмом.** Но настрой, мироощущение поэта мгновенно меняются, когда речь идёт о духовном восхождении, и совершенный дух, причащаясь на пути к Всевышнему, достигает божественных высот, а отрицание уступает место утверждению. Все эти вехи исканий божественной гармонии, небесной

и земной истины, сущности мироздания, вплоть до высот совершенства причащения и познания в представлении поэта даруют людям упоительную, благоговейную радость...

Набати не скрывает своего благоговения и любви ни к божественно святым ликам, ни к земным божьим созданиям. У поэта немало стихов в форме гошма и газелей, проникнутых фольклорным колоритом и отмеченных детальной живописностью, – посвящённых природе, повседневной жизни, красоте человека и его бытию. Его теджнисы – образцы высокого слога в азербайджанской поэзии. Вообще же вся классическая лирика Набати несёт на себе явное влияние ослепительной лирики гениального Мухаммеда Физули (1494–1556). Наряду с этим, в творчестве поэта сквозит особая симпатия и к творчеству Видади (1709–

Мавзолей поэта Набати в селе Ушдибин

1809) и Вагифа (1717–1797), а также к фольклорно-ашугской поэзии в целом. Несмотря на двойственность творчества Набати, всё же он смотрит на мир с высоты суфийских воззрений, его больше притягивает суфийская поэзия. Этот замечательный поэт-суфий прожил яркую, насыщенную жизнь. Он умер в 1873 году, в 61-летнем возрасте и нашёл вечный покой в родном Ушдибине.

Творческое наследие Набати явилось последним аккордом средневековых суфийских философских взглядов в истории восточной поэзии.

Образцы произведений Набати впервые были изданы в 1852 году в Тебризе, в томе «Дивана» Мухаммеда Физули. В 1925 году в Баку вышел в свет первый том фундаментального двухтомного труда видного азербайджанского литературоведа **Фиридун бека Кочарли** (1863–1920) «Материалы истории азербайджанской литературы», небольшой раздел которого посвящён жизни и творчеству Сеида Абульгасыма Набати и содержит ряд стихотворений. Более объёмным и научно выверенным изданием произведений поэта справедливо считается сборник, выпущенный в 1968 году издательством Академии наук Азербайджана и составленный известным востоковедом **Абульфазлом Гусейни** (1925–1987), с обстоятельным введением и обширными комментариями. Наиболее же полным и разработанным на сегодняшний день изданием творческого наследия Набати является увидевший свет в 1993 году в Тебризе двухтомник, подготовленный выдающимся тюркологом-азербайджанцем доктором **Гусейном Мухаммедзаде Садигом** (р. 1945), писавшим под псевдонимом Гусейн Дюзгюн, и включающий «Тюркский диван» и «Персидский диван» поэта. Особого внимания заслуживает также переиздание в 2004 году в Баку

сборника произведений Набати, вышедшего в 1968 году, с существенными дополнениями и введением профессора **Замана Аскерли** с совершенно новым, неожиданным подходом к творчеству выдающегося поэта-суфия.

И, конечно же, видный ученый академик **Фейзулла Гасымзаде** (1898–1976) по праву считается крупнейшим в азербайджанском литературоведении после Ф. Кочарли исследователем и популяризатором, знатоком биографии и творчества великого азербайджанского поэта земной любви – Сеида Абульгасыма Набати. ❀

Литература

1. Ərəb və fars sözləri lüğəti. Redaksiya heyəti: B.T.Abdullaev, Ə.Ə.Orucov, Y.Z.Şirvani; məsul redaktoru Y.Z.Şirvani. Azərb. SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı. Bakı, 1967, 1036 s.
2. S.Ə.Nəbati. Əsərləri. Tərtib edəni Əbülfəzl Hüseyni. Azərb. SSR Elmlər Akademiyası nəşriyyatı. Bakı, 1968, 236 s.
3. F.S.Qasımzadə. XIX əsr Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. Bakı, "Maarif", 1974, 488 s.
4. Firidun bəy Köçərli. Azərbaycan ədəbiyyatı, 2 cildə. I cild. Bakı, 1978, 598 s.
5. Любовь и секс в исламе. Составители М.Гаджиев, С.Султанмагомедов. Москва, «Ансар», 2004. 304 с.
6. Рустамова А., Набиев Б., Караев Я. Азербайджанская литература (краткий очерк для азербайджанской диаспоры). Под ред. Б.Набиева и Т.Керимли. Баку, «Элм», 2005, 453 с.
7. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi, VI cildə. IV cild. Bakı, "Elm", 2011, 858 s.
8. Послания будущему. Фольклор и литературные памятники Азербайджана (обзорная статья акад. НАНА Б.А.Набиева, чл.-корр. НАНА Т.А.Керимли, сост., биограф. справки и комм. А.М.Багирова). Москва, «Художественная литература», 2011, 726 с.
9. Большая Российская Энциклопедия. 21-й т. Москва, 2013, 767 с.

The article is dedicated to the life and works of prominent 19th century Azerbaijani poet Seyid Abulgasima Nabati. Nabati is considered to be the last representative of Sufi trends in Azerbaijani poetry.

ГОШМЫ**ИЛИ НЕТ?**

О утро, спроси у любимой скорей,
Лететь соловью на цветок, или нет?
Могу ли сейчас, исцеленья ища,
Ступить на заветный порог, или нет?

За амбру волос твоих жизнь я отдам,
За щёки, подобные нежным цветам,
За родинки, давшие бледность щекам,
Летит на огонь мотылёк, или нет?

Томлюсь я по тёмным и томным очам,
По лунному лику, по сладким речам,
Но снова не смею спросить её сам,
Избавлюсь я здесь от тревог, или нет?

И если б мне шею обвила рука,
И ты б трепетала, гибка и тонка,
И если б я сладость вкусил языка,
Воскреснуть из мёртвых я б смог, или нет?

Не может дышать без тебя Набати.
И слава ему – как обуза в пути.
Прийти мне? Верни мне надежду! Прийти?
Позволишь упасть мне у ног, или нет?

ОНА

Аллах, посмотри, здесь воруют сердца!
Скажи мне, кого полюбила она.
Похитила разум, сознание моё...
Как в жемчуг себя обратила она?

Кто девушки раньше не видел такой,
Не знает, что значит утратить покой.
Молящим о счастье своей красотой,
Как бабочкам, крылья спалила она.

Как сладостны ласковых слов ручейки!
Улыбка – причина кровавой тоски,
Ланиты – как розовые лепестки,
В устах своих перлы хранила она.

Как солнце, всегда светлолика она,
Как месяц сурьмяных бровей кривизна.
Я стал одиноким; всей жизни сполна
Меня, как Меджнуна, лишила она.

Пойду в погребок я. И там заодно
С тобой вдвоём погорюем, вино.
Так пей, Набати, тебе много дано –
В бокал океан уместила она.

ПРИДЁТ

Ты снова влюблён! Не рыдай соловей,
Весна через день непременно придёт.
Собой дорожи, постоянству не верь.
Конец твоей розе мгновенно придёт.

Фархаду ты речи мои передай:
«Кирку беспощадную в камень вонзай!
И ласки и неги, томясь, ожидай,
Влюблённости час несравненный придёт».

Душа исцелится от скорбной мечты.
Появишься в славе и почестях ты,
Наутро увидишь ночные цветы,
К тебе всё богатство вселенной придёт.

Ты слуг позовёшь. Ты покажешься ей
С запястьями из драгоценных камней.
И уток стая и стая гусей
К фонтану, на пруд белопенный придёт.

К прелестной любви Набати велика.
Слова её – нежная сладость цветка.
Молчи обо всём, что ты знаешь. Пока –
И время для тайн драгоценных придёт.

Перевод Евгения Долматовского

СОЛОВЬИ ПОЮТ

Весна вернулась к нам, цветы в садах цветут,
И роза к розе вновь свой тонкий клонит стан.
И снова соловьи, безумствуя, поют.
Как чаша, полная вином, горит тюльпан.

Покрылись пастбища весёлою травой,
И берега реки как будто рай земной.
Эй, кравчий, наполняй почаще кубок мой,
Пусть буду от вина и от весны я пьян.

Есть и добру, и злу один исток.
Он – воля Господа, и не вина глоток
Осилит власть его. Глупец, кто пренебрёг
Тем лучшим из даров, что нам Аллахом дан.

Как подло злобный рок со мною поступил -
Меня с возлюбленной навек он разлучил.
Где ж сладкий плод любви? Его я не вкусил.
Всё, всё утратил я, поддавшись на обман.

Так не вини, мой друг, в измене Набати.
Я сеть из тысячи коварств клянусь сплести,
И, обманув других, сам не собьюсь с пути,
Хоть будет грудь моя изъязвлена от ран.

СВОДИШЬ С УМА

В меня ты нацелила стрелы бровей,
Чтоб душу терзать мне лукавой игрой.
Рассыплешь ты чёрные волны кудрей –
И в рабство к тебе попадётся любой.

Хоть косы твои обвивает чалма,
Глазами, улыбкой ты сводишь с ума.
Вина или яду подай мне сама, -
Лишь зелье такое вернёт мне покой.

Приманит ли сладость душистая роз
Вдохнувшего мускус тугих твоих кос?
Я б самых прекрасных жемчужин принёс,
Но меркнут они пред твоей красотой.

Признайся: ты роза, нарцисс иль тюльпан?
Рубин ли сверкает, прекрасен и рдян?
Лучи или шёлк обвивают твой стан?
Волшебную тайну безумцу открой.

Взгляни, Набати, вот раскрылся тюльпан,
Рыдай соловьём, изнывая от ран.
Найдёт ли в вине исцеленье, кто пьян
От страсти, навек овладевшей мною?

Перевод Владимира Бугаевского

ГАЗЕЛИ

ПРЕКРАСНО, О, ПРЕКРАСНО

Прекрасная-прекрасная, явилась
ко мне кокетка – и явила милость:
Меч подняла она рукою властной,
и я пронзён – прекрасно, о прекрасно!

Подобно маку алая от крови,
Шашлык из сердца начала готовить.
И к состраданию я взывал напрасно.
Прекрасно мастерство её, прекрасно!

Что делать мне? Надежда на Аллаха.
Закрыв глаза – от гнева, не от страха –
Я излагать свои обиды стану
Прекрасному-прекрасному султану:

Коль для тебя я – мотылёк опальный,
Так будь моей свечой в молельной-спальной!
Царём Египта стану, гордым, властным –
Приди в цветник тоски моей прекрасной!

Надежда есть, что молодые люди
Моей газели горькой не осудят:
Их грамоте учили не напрасно,
Запишут всё - прекрасно, о прекрасно!

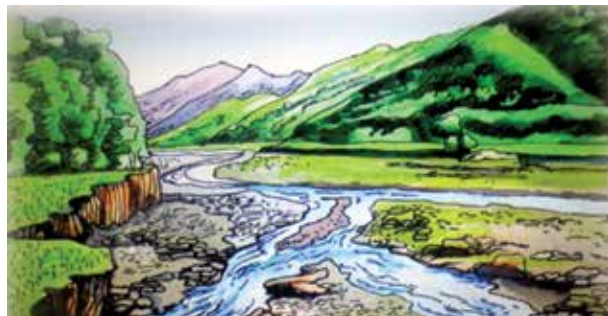
Когда ж печать поставят на указе,
Прекрасная, я не вздохну ни разу.
Любить ежеминутно, ежечасно?
Долой печаль – прекрасно, о прекрасно!

ТЫ МОЙ АНГЕЛ

Утром, пьяный и беспечный, я бродил у
кабака,
И нежданно я заметил дивный лик издалека.
Вились кудри повителью, бусы солнечно
алели,
И глаза её блестели из-под красного платка.

Ты мой ангел безобманый, я тебе не знаю
равной,
Мой цветок благоуханный, словно сахар,
ты сладка.

Не встречал такой ни разу. Ты стройна и
кареглаза,
Вся исполнена соблазна. Ты и радость, и тоска.

И упал я опьянённый, светлым жаром
опалённый.
Понял, разума лишённый, – жизнь мне стала
не легка.

Видя то, что натворила, та, что сердце
мне разбила,
Рядом сев, заговорила, став нежнее ветерка.

Та, что всех на свете краше, поднесла с вином
мне чашу.

Выпил я за счастье наше до единого глотка.
И сказал Лейли я юной: «Я безумным стал
Медждуном,
Ты терзаешь сердца струны, только чудом
жив пока!»

Я в своей земной юдоли, как Меджнун,
исполнен боли.

Мне бродить ещё доколе диким зверем
среди песка?

Набати, хваленье богу, сам избрал
себе дорогу.

Быть Медждуном слишком много – честь
такая велика!

ГОШМА

ГУБЫ – МЕДВЯНЫЙ ШЕРБЕТ

Ограбили душу любимой глаза,
Ресницы – мгновенно разящий стилет.
Попавший в тенета душистых кудрей
Живым и свободным не выйдет на свет.

В кашмирской серебряной шали она,
Нахмурила брови, притворно скромна.
Эй, кравчий, налей поскорее вина, –
Спаси нас, Аллах, от мучительных бед.

Румянцем ты розу решила затмить
И мускусом локонов амбру смутить.
Ох, зубки – жемчужин мерцающих нить,
А губы – бутон и медвяный шербет.

Глаза – два нарцисса, бровь – ранящий меч.
Ланиты – тюльпаны и кудри до плеч.
Для слуха приятна сладчайшая речь,
Уста – и рубины, и утра рассвет.

Цветенье кругом, погляди, Набати,
Стони соловьём, о любимой грусти.
Встань, кравчий, чтоб к жертве своей подойти.
Налей мне вина, больше радости нет.

ГЕРАЙЛЫ

МОЙ ЕЩЁ НЕ КОНЧЕН ПУТЬ

Улететь я не сумел –
Мой ещё не кончен путь.
Рано телом ослабел –
Мой ещё не кончен путь.
Я не врач и не больной,
Я не друг, не ворог злой,
Не сойти с дороги той, –
Мой ещё не кончен путь.

Рот мой жаждущий засох,
Я, блуждая, сбился с ног,
Спорить с недругом не смог –
Мой ещё не кончен путь.

Мой пыливый взор потух,
Притупился острый слух,
Ловких рук не стало двух –
Мой ещё не кончен путь.

Я не грустен, не смешлив.
Я не тишь, не ветра взрыв.
Я таюсь, себя явив, –
Мой ещё не кончен путь.

Не вином я опьянён,
Не бедою я согбён,
Не огнём я обожжён –
Мой ещё не кончен путь.

Я – бутон, не стал цветком.
Боль не прячу под замком.
Я со славой не знаком –
Мой ещё не кончен путь.

Не звезда я, не луна.
Я не бог, не сатана.
У меня стезя одна.
Мой ещё не кончен путь.

Не силён я и не слаб.
Я не шах. И я не раб.
Отдохнуть давно пора б –
Мой ещё не кончен путь.

Я не низок, не высок,
Не лачуга, не чертог.
От всего пока далёк –
Мой ещё не кончен путь.

Я не ангел и не джин,
Не слуга, не господин.
Я во множестве един.
Мой ещё не кончен путь.

Я не лето, не зима,
Не огонь я и не тьма.
Я, мудрец, лишён ума.
Мой ещё не кончен путь.

Я не чёрен и не бел.
Я не меч, не посвист стрел.
Я не стар, не поседел –
Мой ещё не кончен путь.

Я не перл и не кремь.
Я не ночь и я не день,
Не сиянье и не тень.
Мой ещё не кончен путь.

Я пока не Набати,
Не легки мои пути.
Где мне истину найти?
Мой ещё не кончен путь.

Перевод Татьяны Стрешневой

**Автор рисунков, использованных в статье- заслуженный художник Азербайджана
Исмаил Мамедов**